

5

Расследования
Алексея
Верещагина

АННА ДАШЕВСКАЯ

ПОМЕСТЬЕ
«СНИГИРИ»

Анна Дашевская
Поместье «Снигири»
Серия «Расследования
Алексея Верещагина», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66026609
Поместье «Снигири» / Анна Дашевская: Авторское; Москва; 2021

Аннотация

Вторая книга о Бюро расставаний и его работе. На сей раз в Бюро обращается старинный знакомый, который никак не может продать родовое гнездо. Март, подмосковное имение, отрезанное от дорог внезапным снегопадом, гости, приехавшие праздновать равноденствие... Может ли в таких условиях не случиться убийство? Алексей Верещагин не может приехать, но это не помешает ему расследовать преступление, в котором оказались замешаны его арендаторы.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	32
Глава 3	55
Глава 4	73
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Анна Дашевская

Поместье «Снигири»

Глава 1

19 марта 2186 года

«Сегодня ровно год с того самого дня, когда я вышла из госпиталя.

Март в этом году выдался холодный, мокрый и очень ветреный. Ну, зато зима была настоящая, снежная и морозная. Правда, я всё равно зиму не люблю, наверное, надо было мне родиться на юге, где-нибудь в Элладе. И ведь был шанс! Увы, к моменту моего появления на свет родители уже прочно обосновались в Саратове. А теперь и их нет на свете, и я сама перебралась в Москву.

Вот думаю, брать ли с собой дневник? Вроде едем мы на три или четыре дня, вряд ли произойдёт что-то настолько важное, чтобы записывать. Решено, оставлю дома. Попрошу домовушку присмотреть.

Веди себя хорошо в моё отсутствие, дорогой дневник!».

Елена аккуратно закрыла обложку толстой тетради и убрала её в ящик тумбочки возле кровати. Потом позвала негромко:

– Мелания!

– Здесь я! – раздалось откуда-то из глубин платяного шкафа.

Отчего-то не любили показываться на глаза оба домовых, присматривающих за домом на углу Костянского и Селивёрстова переулков, предпочитали разговаривать из укрытия: Аркадий Феофилактович с подоконника, а жена его – из шкафа или из-за шторы.

– Мы с Андреем уезжаем на несколько дней по делам, – сообщила Лена, аккуратно укладывая в дорожную сумку чехол с блузками. – Пожалуйста, прикрой какой-нибудь незаметностью мой дневник, ладно?

– Будет сделано. Вдвоём едете?

– Наверное.

– А этих что же, одних оставляете?

– Не знаю пока, – Лена закрыла сумку и поставила её возле двери. – Вроде бы звали только нас. Но я ещё поговорю с Андреем.

С этими словами она вышла из комнаты и направилась в рабочий кабинет, который вот уже почти полгода делила с другом и компаньоном, Андреем Белановичем. Если бы Елена прошла по коридору дальше, к входной двери, и открыла бы её, то могла бы ещё раз полюбоваться на табличку – бронзовую, пока ещё не потускневшую под дождём и снегом. Чёткие буквы надписи гласили: «Вакарисасеи. Агентство правильных расставаний».

Компаньон за своим столом проверял счета. Отложив руч-

ку, он потянулся и с удовольствием сказал:

– Поздравляю тебя, мы вышли на положительный баланс.

– Да ну?

– Ну да! Последнее дело, за которое, кстати, ты не хотела браться, принесло на наш счет почти три тысячи дукатов. Это позволяет закрыть все расходы за первый квартал и ещё остаться в плюсе.

– Ну, не хотела... – Елена села за свой стол, выдвинула верхний ящик, посмотрела в него и снова закрыла. – Я с самого начала опасалась именно таких клиентов. «Ах, я не знаю, как ему сказать, что больше его не люблю!» – писклявым голосом она кого-то передразнила. – Словами надо говорить, и всё получится! А уж платить немалые деньги только для того, чтобы выставить из своей жизни нежеланного мужчину...

– Всё-таки не забывай, что у нас было и дополнительное задание, за которое, собственно, госпожа Березуцкая и заплатила. Мы ж забрали у него документы, не так ли?

– Забрали... – она пожала плечами. – Ладно, закрыли и забыли. Расскажи мне, куда мы едем и чем занимаемся на сей раз? Кто и с кем желает расстаться?

– Мой давний знакомый, – Андрей перебрросил на её стол картонную папку. – Вадим Витальевич Снигирёв, называет себя предпринимателем. Желает избавиться от подмосковного имения.

– Да? – раскрыв папку, Елена посмотрела на два сиротли-

во болтающихся в ней листочка договора. – А что, риэлторы в Москве уже перевелись? Почему к нам?

– Там сложности, – туманно ответил Андрей, покрутив в воздухе пальцами. – И мы едем посмотреть на хозяев, имение и обстановку. Нас пригласили праздновать весеннее равноденствие.

– Едем так едем, повод ничуть не хуже любого другого. И вот что, Гая надо брать с собой. Иначе мы рискуем по возвращении не найти дома на месте.

– Согласен. Где он, кстати?

– Со вчерашнего вечера не видела.

– Вот Тьма! – выругался Андрей. – Если он опять где-нибудь пакостит домовому, я сдержу обещание и отправлю его почтой назад, в родной Бритвальд! Малой скоростью! Врени! – внезапно заорал он, да так громко, что Елена подпрыгнула.

Дверь открылась, и на пороге появился третий компаньон, он же секретарь и счетовод агентства, Врени, гном из клана Мейрен.

– Чего шумишь? – спросил он миролюбиво. – Здесь я.

– Ты Гая сегодня видел?

– Нет.

– И куда он делся?

– Появится, – гном равнодушно пожал плечами. – Так что, новое дело у нас срастается?

– Да, договор подписан. Мы завтра едем в Снигири, осмат-

ривать это самое поместье, а сегодня хорошо бы хоть что-то о нём выяснить.

Елена протянула гному папку с двумя листочками внутри, но Вренн не торопился её брать.

– Ты расскажи, чем заниматься будем?

– Подмосковная усадьба, называется «Снигири»... – начал Андрей, но гном перебил его.

– Вот именно так, через два «и»?

– Именно так. Уже лет триста принадлежит семье, ты будешь смеяться, Снигирёвых. Мой знакомый Вадим – последний в этом роду, он хочет фамильное гнездо продать. Но не может.

– Почему?

– Вот это как раз непонятно. Сорвалось уже семь сделок, московские риелторы – ну, из приличных, понятное дело – работать со Снигириями не хотят. Причина каждый раз разная.

– А поподробнее?

– Поподробнее? – Андрей вытащил новенький блокнот, раскрыл на первой странице и начал читать. – Первый покупатель отказался, потому что у его жены немедленно по приезде в Снигири началась чудовищная аллергия.

Тут Елена и Вренн задали вопросы одновременно:

– На что аллергия?

– Это что, ещё летом было?

– Это было ещё позапрошлой зимой, потому что тянет-

ся эта бодряга не первый год. И причина неизвестна, но отёк Квинке дамочке едва сняли. Никто не понял, на что можно так отреагировать зимой за городом, но сделка сорвалась. Второй интересующийся даже залоговую сумму заплатил. Приехал туда, осмотрел весь дом, всё ему нравилось, но когда поднялся на башню, поглядеть на окрестности, так сказать – весь затрясся, отпихнул посредника, плюнул на пол и немедленно уехал. Даже деньги забирать не стал.

– Интересно, – Вренн задумчиво почесал бороду. – Что ж такое ему показали?

– Осталось неизвестным. Дальше... Ну, дальше не так интересно. Третья сделка сорвалась оттого, что покупатель ровно накануне подписания договора и выплаты первой части стоимости проигрался в клубе. И играл-то он по маленькой чуть ли не в дурака, но ухитрился спустить несколько сотен тысяч.

Тут Елена остановила его рассказ, приложив палец к губам. Ей почудилось, что за спинкой дивана раздался еле слышный шорох.

Некоторое время в кабинете царило молчание, потом из-за дивана раздался голос:

– Ну? А дальше-то что?

– А дальше вопрос к тебе, дорогой наш Галлитрап Бидли. Решай, куда ты едешь? – ответила женщина нарочито равнодушно.

– В смысле? – на спинке дивана уселась фигурка росточ-

КОМ В ЛОКОТЬ.

Щёгольское одеяние пикси¹ нимало не пострадало от прятков, рыжие волосы были завязаны в аккуратный хвост, а зелёные глаза смотрели пытливо.

– В том смысле, что у тебя есть выбор – поехать с нами осматривать место происшествий или отправиться в Камберуэлл, или откуда там ты родом.

– А тут остаться я не могу?

– Нет, – быстро ответил Вренн.

Елена же добавила:

– Ты ж понимаешь, твои способности нам очень пригодятся.

– Ну-у... Ладно, я, конечно, с вами... Давай, рассказывай, что там ещё происходило с этим домом? – пикси уселся на подушку, предварительно взбив её маленьким кулачком, и приготовился слушать.

– М-м-м... Ага, вот. Четвёртый покупатель подписал

¹ «Пикси считаются близкими родственниками фей и брауни, но сами они ни того, ни другого родства не признают. Известны своей любовью к всевозможным проказам и розыгрышам, от безобидных шалостей до смертельных угроз. Отличительные внешние признаки: рост – примерно локоть, заострённые уши, очень красивое лицо. При необходимости могут на короткое время (до двух часов) принимать человеческое обличье, в этом случае у них всегда ярко-рыжие волосы и ярко-зелёные глаза, уши остаются острыми. Характерные личностные черты: исключительно умны, безнравственны, изобретательны, алчны, хитры. При этом данные обещания и клятвы соблюдают абсолютно. Пристрастия: деньги, шоколад, карточные игры. Ситуации, которых следует избегать: никогда не пытайтесь переиграть пикси». Цитируется по: Проф. К.У.Э.Совертон, «Классификация нечисти и нелюди», изд. Cambridge University Press, 2105 г.

предварительное соглашение и уехал по делам. Но к назначенному дню не вернулся, и вообще – больше никогда не появлялся ни в Москве, ни вообще в Царстве Русь.

– О! Отправился в джунгли Чёрного континента, и там его съели страшные звери? – радостно спросил Гай.

– Нет, совсем не так. Человек этот владел несколькими магазинами музыкальных инструментов и отправился всего-навсего в Кремону, где, как известно, самые старые мастерские по изготовлению скрипок. В Ломбардии данный персонаж бывал и раньше, у него там и друзья были, и деловые партнеры, и никто из них его в этот раз не видел.

– История перестаёт быть забавной, – прокомментировал Вренн.

– Именно так.

– Ну, а пятый? Пятый же тоже был?

– Был. Приехал прошлым летом погостить в эти самые Снегири и утонул, купаясь в реке. Истра, конечно, холодная и быстрая, но чтобы в ней утонуть, нужно особо стараться. Шестым покупателем была дама из высшего света, желавшая открыть в имении школу для девочек-сироток, сама она там жить не собиралась, и даже смотреть не ездила, а послала директрису этого самого заведения.

– И что?

– Ничего. Купили другое имение, вовсе даже в южном направлении.

– Просто отказались, никак не мотивируя, и не стали под-

писывать договор?

– Именно так.

– Странно, – резюмировал гном. – Несолидно. А имена покупателей есть?

– А как же! Вот они все, – и Андрей показал развёрнутую страницу блокнота, где и в самом деле красовался недлинный список имён с краткими характеристиками.

Впрочем, читать эти самые характеристики никто из присутствовавших не стал, поскольку была у господина Белановича манера делать записи, сокращая слова до вовсе уж невразумительных огрызков. Разбирать такой образчик криптографии никому не хотелось, и автор каждый раз, вздыхая, делал на компьютере расшифровку.

– Хорошо, – Елена решительно хлопнула ладонью по подлокотнику кресла. – Тогда предлагаю такую программу: я отправляюсь в Гильдию архитекторов. Если усадьбе, как ты говоришь, более трёхсот лет, должны быть о ней сведения.

– Я... – начал Андрей, но Вренн перебил его безо всякого уважения.

– Ты перепечатай сведения о покупателях, а я проверю, что о них есть в нашей общине.

– Ладно, ладно! А потом поговорю с нашим домовладельцем, возможно, какая-то информация найдётся у его друзей в городской страже.

– Ты хочешь привлечь Алекса к этому делу?

– Пока не знаю. Поговорю с ним, спрошу.

– А я? – завопил Гай. – А мне что делать?

– Тебе? – Елена переглянулась с Белановичем. – На тебе добыча сведений о проигрыше третьего покупателя. Звали его... ага, Савва Ильич Котов, и проигрывал он в клубе «Гриффон» в июне прошлого года.

– Понял! – радостно ответил пикси.

* * *

Выйдя за дверь, Андрей немедленно получил в лицо заряд мокрого снега.

– Спасибо большое! – радостно сказал он куда-то в пространство. – Как раз хотел умыться холодной водой, а идти в ванную было лень!

Мироздание, обрадовавшись благодарности, повторило умывание. Беланович вытер щёки и лоб и быстро пробежал до угла дома, где обнаружилась ещё одна дверь. Здесь была привинчена табличка, извещавшая, что частный детектив принимает исключительно по предварительной записи. Андрей постучал, и дверь немедленно отворилась, приглашая его войти и подняться по лестнице.

Тут надо, наверное, пояснить, что являл собою дом, на первом этаже которого обосновались наши герои. Двухэтажный кирпичный особнячок стоял на углу переулков Селивёрстова и Костянского, и с давних времён был разделён на два апартамента; хозяева, семейство Верещагиных, занима-

ло второй этаж. Здесь жили Алексей и его сыновья-близнецы, уже почти шестнадцатилетние, тут же обитала и пара домовых, Аркадий Теофилактович и его жена Мелания. Впрочем, в этой истории домовые почти не участвуют, в том числе и из-за непримиримой вражды между Аркадием Теофилактовичем и Галлитрапом Бидли. Здесь, кроме жилых комнат, имелась ещё и приёмная детективного агентства.

На втором этаже пахло теплом и пирогами. Лирически вздохнув, гость отворил дверь приёмной и громко спросил:

– Алекс, к тебе можно?

– Заходи! – раздалось из-за неплотно прикрытой двери кабинета.

Хозяин дома стоял возле книжного шкафа и что-то искал на самой верхней полке.

– Привет, – сказал он, не прерывая поисков. – Ты не помнишь, была какая-то история о терракотовой собаке, которая охраняла могилу?

– Захоронение двух убитых влюблённых? И собака оживала по ночам, охотясь на родственников убийцы? Я всегда считал, что это легенда.

– Да и я так считал, но внезапно на это ссылаются как на судебный прецедент... Тьфу ты, я и забыл, что эту книгу мальчишки взяли!

Алексей закрыл дверцу шкафа и уселся за стол.

Выглядел он, честно говоря, не слишком-то похожим на частного сыщика: не было у господина Верещагина ни труб-

ки или скрипки, ни тщательно ухоженных усиков, ни даже корзинки с вязанием. Он не владел приёмами загадочной тибетской борьбы, не умел распознавать по внешнему виду трупа экзотический яд, использованный для отравления, да и вообще – выглядел обычным городским жителем. Даже очки надевал для чтения...

Сейчас он эти очки как раз снял и устало потёр переносицу.

Терпеливо ждавший Андрей спросил:

– Так что за судебное дело о глиняной собаке?

– А! – Верещагин махнул рукой. – У клиента пропала собака...

– Разве ты берёшься за такие дела?

– Почему нет? Клиент рекомендован хорошей знакомой, собака была мало того что дорогая, так ещё и оставлена ему уехавшей на воды женой...

– Тю-ю!

– Вот именно! Так вот, собака пропала на вечерней прогулке, живут они в Ковылинском переулке...

– В Ковылинском... Там, кажется, через дорогу – кладбище?

– Совершенно верно. Клиент мой, Олег Иванович его зовут, человек уже немолодой. Он до глубокой ночи бегал и звал пса, утром свалился с гипертоническим кризом. Вызвал мага-медика и меня. Ну и рассказал, отдышавшись, что слышал с территории кладбища вой и рычание. Может, говорит,

Аргус туда забежал, и не может выхода найти?

– Ну, и?..

– Ну, и действительно, нашёл я его пса. Мёртвого, с разбитой головой, на свалке кладбищенской. Сторож рассказал, что нашёл труп утром на старой территории, возле заброшенного склепа со скульптурой. По его словам, там изображён мужик с топором.

– Да ладно?

– Страж это. Страж с протазаном, вырезанный из какого-то камня, почти стёршийся от времени. Я стал копать историю захоронения, выяснил, что оно одно из самых старых на этом кладбище, больше трёх сотен лет назад, и принадлежал склеп некоему военачальнику, несправедливо обвинённому в измене государю и отечеству. Тот покончил с собой, а вдова заказала памятник, чтобы, как она сказала «страж охранял честь мужа, которую тот не может уже хранить сам».

Андрей хмыкнул скептически:

– Извини, не вижу связи между древним самоубийцей идохлым псом.

– А её и нет. Я ещё порасспрашивал сторожей, и выяснил, что зачастил на старую часть кладбища странный молодой человек. Приходит всегда под вечер, с большим рюкзаком, надолго, свечи жжёт, и всё на разных могилах, они уж хотели в стражу заявлять. Пришлось оставить визитку их главному, Василию Тимофеевичу, он мне и сообщил, когда этот молодой человек появился.

– Погоди, дай угадаю... Маг-недоучка, поклонник тёмных искусств?

– Именно. Что-то он там не так прочитал, и вселил в скульптуру некую неуспокоенную душу. Вот и прилетело бедному Аргусу каменным протазаном.

– Ага, и историю с каменной собакой его адвокат приводит в качестве прецедента? – Андрей покрутил головой. – Не прокатит.

– Я тоже так думаю. Но бедняге клиенту пришлось к приезду жены покупать нового щенка...

Мужчины помолчали. Потом Беланович откашлялся и сказал:

– Вообще-то я к тебе с вопросом...

– Да, извини. Я просто дело закончил и хотел уж совсем точку поставить, а для этого ничего нет лучше, чем рассказать кому-нибудь. Спрашивай, давай.

– Ты закончил дело? – зацепился за эти слова Андрей. – То есть, сейчас свободен?

– Пока да. А что, вам что-то новое прилетело?

– Да. Пока история странная, ну, тебе ли не знать – оно всё выглядит странно, пока не распутаешь.

– Та-ак, и кто с кем хочет расстаться?

– Человек с домом, – хмыкнул гость. – Вот слушай...

По мере рассказа истории о неудачных продажах подмосковного имения пришла уже очередь Верещагина крутить головой и хмыкать.

– Так вот, мы туда завтра едем. Вроде как праздновать равноденствие, – закончил Андрей. – Но прежде хотелось бы выяснить хоть что-то об этих случаях, то есть, о причинах отказа. Ты ж понимаешь, если бы сделка сорвалась один или два раза, никто б не удивился. Но семь?

– Ну, пожалуй что да. Семь отказов – это многовато, но причины-то у всех разные? Давай подумаем, что и где искать.

* * *

Гильдия строителей и архитекторов располагалась в районе Бутырской улицы в специально для неё выстроенном здании. Левое крыло занимали мастерские; Елена с сожалением в ту сторону посмотрела, потому что архитектура интересовала её очень сильно, и хотелось напроситься на экскурсию. Но... как всегда, времени на это не было, и она решительно повернула к правому крылу, ко входу в хранилище и библиотеку.

Каждому известно, что библиотеки бывают государственные и частные, большие и маленькие, публичные, академические, университетские и школьные, отраслевые и специальные, и один лишь Гермес Трисмегист, покровитель книжников, знает, какие ещё.

Гораздо меньше сведений у публики, даже и читающей, о тех, кто стоит с другой стороны библиотечной стойки. Елена

знала, что в больших, исторических или особо ценных собраниях были Хранители, но даже и представить себе не могла, кого увидит.

Хранитель выглядел, в общем, вполне похожим на человека – очень худого, очень высокого, с желтоватой кожей и жёлтыми глазами без белков. Руками, затынутыми в белоснежные перчатки, он нежно прикоснулся к переплёту толстого альбома, внимательно слушая, что говорит ему посетитель. Тот тряс пышной бородой, воздымал руки и выплёвывал отдельные малоразборчивые слова. Наконец Хранитель положил ладонь на коричневую кожу переплётa и сказал:

– Господин Полетаев, к моему сожалению, вы полностью утратили доверие.

– Но...

– Вы можете пройти с моим помощником, он предоставит в ваше распоряжение компьютерный вариант книги господина Мальгрейва. Если же вы пожелаете вновь пользоваться этим собранием, – тут жестом руки в перчатке Хранитель обвёл уходящие вглубь полки за своей спиной, – вы можете начать возмещение ущерба. Список тех книг, которые были варварски испорчены, вы получите также у моего помощника.

Он кивнул, и за спиной бородача возник крепкий молодой человек, который придержал проштрафившегося за локоть и сказал тихо:

– Пойдёмте, Федор Николаевич, всё для вас подготовлено.

Полетаев горестно вздохнул и покорно отправился следом. Проводив колоритную пару глазами, Елена повернулась к Хранителю и не удержалась от вопроса:

– Что он натворил?

– Слюнявил пальцы, когда переворачивал страницы, – сурово ответил Хранитель. – Итак, сударыня, вы не являетесь нашей постоянной посетительницей?

– Нет. Но у меня есть рекомендация, – она вынула из сумки конверт, извлекла аккуратно сложенный листок бумаги и протянула загадочному существу за стойкой.

Рекомендательное письмо, если говорить честно, вызывало у нее смех – ну что за старомодные идеи? Но Алекс Верещагин совершенно серьёзно написал несколько строк, приложил к ним визитную карточку и сказал:

– Зря смеёшься. Там всё сурово, и чужие не ходят.

Ну что же, это оказалось правдой: посторонним в библиотеке Гильдии и в самом деле нечего было делать.

– Итак, госпожа Асканова, что именно вас интересует?

– Мне нужно отыскать всю возможную информацию о поместье «Снигири». Это недалеко от Москвы, по дороге на Волоколамск. Насколько нам известно, главный дом был построен примерно в середине восемнадцатого века, и с тех пор не перестраивался. Ну, конечно, добавляли современные удобства...

– Я понял, – Хранитель вежливо, но твёрдо прервал её невнятное меканье. – Прошу вас, присядьте вон за тот стол,

и подождите.

Так она и сделала: села на стул, поставила сумку на соседний, облокотилась и стала разглядывать зал.

Зал был сделан красиво. Впрочем, здание, выстроенное гильдейскими для самих себя, должно было быть идеальным, иначе кто бы стал к ним обращаться? «Вот интересно, а существуют ли строители вне Гильдии?» – думала Елена, лениво скользя взглядом по шкафам, ярусам, лестницам и аркам. На полках таинственно мерцали золотом корешки, в солнечном луче танцевали пылинки, где-то далеко одинокая скрипка вела мелодию...

– Вот что мне удалось найти...

Вздвогнув, Лена с трудом разлепила глаза и увидела усмешку Хранителя, вовсе уж нечеловеческую.

– Ой, простите... – смутилась она.

– Ничего страшного. Итак, вот что мне удалось найти, – повторил он, осторожно разворачивая перед ней пожелтевшие листы чертежей. – Это план главного дома интересующей вас усадьбы после реставрации 1919 года. Это книга о подмосковных усадьбах, написанная Алексеем Николаевичем Гречем-Залеманом, и Снигирям здесь посвящена отдельная статья. Она была издана пятью годами ранее, так что вы можете видеть, что изменилось в процессе ремонта. Ну, и наконец, возможно вас заинтересует... – Хранитель положил перед ней ещё одну, совсем тоненькую книжечку, даже скорее брошюрку. – Это, конечно, не научная литература,

но я подозреваю, что она может иметь отношение к вашему расследованию.

Лена хотела было поправить, что они занимаются вовсе не расследованиями, но прочла название брошюры и остолбенела. На сероватой бумажной обложке странным изломанным шрифтом было напечатано: «Тайны и легенды подмосковных усадеб».

– Это же... развесистая клюква! – выпалила она.

– Даже с самой развесистой клюквы можно снять урожай, – сверкнули жёлтым глаза Хранителя.

* * *

Кухонный стол украшали пять плоских картонных коробок. «Пицца? – подумала Елена, рассеянно оглядывая шкафы в поисках своей любимой чашки. – Интересно, кто заказывал? Если Вренн, то есть смогут только огнедышащие, столько там будет острой колбасы, а если Гай, то надо ожидать странного»...

Увидев, наконец, в глубине сушилки белый бочок в крупных розах, она вытащила чашку, потом подошла поближе и прочитала: «Пицца от Сильвано», красные буквы на бело-зелёной крышке.

– А, уже привезли? – вошёл Андрей, потирая руки. – Там подморозило изрядно. И снег начинается, так что надо завтра пораньше выехать.

– Пиццу ты заказывал?

– Я. Кое с кем встречался сегодня, там попробовал, мне понравилось. Надо только Алекса позвать, он был в городской страже.

– Зови. А я пока чайник поставлю.

Верещагин появился минут через пятнадцать, когда все сотрудники Бюро расставаний сидели вокруг стола и подозрительно следили за Андреем, снимавшим стазис с первой коробки...

– Итак, – спросил Алекс, когда всё было съедено и выпито. – Кто начнёт?

– Давайте, я! – тут же вызвался Гай. – Значит, клуб «Грифон». Находится он в Настасьинском переулке, и ходят туда в основном купцы из Охотного ряда и владельцы магазинов на близлежащих бульварах. Ресторан там так себе, лацийскую кухню провозглашают... – Тут пикси выразительно покосился на сложенные стопкой пустые коробки от пиццы. – Самая большая ценность этого клуба – игорные залы. Они открыты до шести утра и потом с полудня, любые игры, какие только пожелают гости.

– Что, и чатурандж? – недоверчиво спросил Вренн.

– Тут чемпион мира по этим вашим клеткам в Москву приезжал матч играть, его в «Грифон» и затащили. Проигрался, говорят, до нитки, члены клуба ему на обратный билет скидывались.

– Га-ай, – протянул Верещагин. – Ты забыл кое-что упомянуть. Приезжал, действительно, чемпион по чатуранджу. А проиграл – в покер.

– Да ну тебя, – надулся пикси. – Всю интригу испортил.

– Ты будешь по делу рассказывать? Или я тебя вообще отстраню, – сердито сказал Андрей.

Увы, Галлитрап Бидли был ценным кадром, но иногда – довольно часто! – его приходилось брать за шиворот и встряхивать, чтобы не терял берега.

– Ладно... Так вот, Савва Ильич Котов в «Грифоне» известен как человек увлекающийся. То дворец для ромалки построит, то трюфели в Подмосковье решит выращивать, то на ипподром зачастит. С другой стороны, ромалка та поёт в принадлежащем ему театре, и туда народ ломится в будни и праздники. Трюфели его покупают и золотом по весу платят, а на ипподроме он лошадей из своей конюшни выставляет.

– И как, успешно?

– Говорят, да. Лошадки резвые, жокеи умелые, тренер из Бритвальда выписан.

– То есть, даже если господин Котов проигрывает, он этот проигрыш себе на пользу умеет обратить? – спросила Елена.

– Ага. Но не в тот раз, – Гай осмотрел вытащенный из кармана кусочек шоколада и сунул его в рот.

– А что было в тот раз?

– Значит, так. Шестнадцатого июня, в пятницу, Савва Ильич собирался ехать, чтобы осмотреть то самое имение,

что собирался купить. «Снигири». И с ним вместе должны были отправиться два его работника: миколог, то есть, специалист по грибам, и лошадиный тренер. Первый планировал оценить имеющуюся поблизости дубовую рощу на предмет высадки трюфеля, а второго интересовали принадлежащие к землям Снигирёвых луга. Савва Ильич приехал раньше и решил скоротать время за зелёным сукном. Играли, действительно, в дурака...

– И что же?

– Оба работника пытались отвлечь хозяина от карт, по крайней мере, трижды. На третий раз Котов расвирипел так, что миколога послал совершенно неудобосказуемым маршрутом, а бритвальдцу свернул челюсть. Опомнился он уже к ночи, тут-то и обнаружил, что проиграл более трехсот тысяч дукатов.

Верещагин присвистнул. А гном поинтересовался:

– Неужели с собой покончил?

– Нет. Но дела передал сыну, сам же отправился в Валаам, моля Единого вразумить его.

– И как, вразумил?

– Ну... Судя по тому, что делами и по сей день занимается сын, пока нет.

– Очень красочно, – оценил рассказ Беланович. – И откуда сведения?

– Ну... – потупился пикси. – Ты ж знаешь, я не закрываю глаз.

– Га-ай!

– Ну ладно, там один брауни затесался вреди кухонной нечисти, вот он и поделился со мной сведениями, и представил кому надо.

Андрей покачал головой: пикси явно утаил многое, и столь же явно утаённое не соответствовало законам Царства Русь. Ничего, долго держать эти сведения при себе Гай не сможет, не сегодня-завтра проболтается. Надо будет тогда возместить владельцам клуба то, что он натворит...

Тем временем Вренн поставил точку в записях, которые традиционно вёл при обсуждении нового дела. и оторвался от блокнота.

– Гипноз? – спросил он деловито. – Или средства, расширяющие сознание?

– Непонятно пока. А с кем он играл, мы знаем, Гай?

– Никто не помнит, – пикси неохотно оторвался от нового кусочка шоколада. – Вроде более или менее молодой, темно-волосый, хорошо одетый. Должен быть членом клуба, потому что со стороны никого бы и не пустили к столам, но кухня в неведении. А значит, и официанты не в курсе.

– Официанты... – Верещагин задумчиво кивнул. – Надо будет их опросить... официально. А потом сравнить, что они болтают между собой, и что ответят городской страже.

– Погоди, а с какой стати городская стража будет включаться в эту историю?

– Видишь ли, Лена, господин Котов, оказывается, не один

такой. За последние полгода отмечено более десятка случаев неоправданно крупных проигрышей. И стража занялась отслеживанием таких случаев, так что всё будет в рамках закона.

– Хорошо. Тогда... Вренн, тебе удалось что-то узнать?

Гном разгладил бороду, поёрзал в кресле и начал рассказ:

– Начать я решил с заказчика. Надо же знать, с кем мы имеем дело?

– Надо! – азартно воскликнул Гай.

– Ну вот. Семейство Снигирёвых, и в самом деле, коренные москвичи, вот уже не первое поколение. Маги, хотя и довольно слабые, в основном – стихия земли. Были в роду несколько выдающихся личностей, в частности, прапрадед нашего фигуранта Константин Дмитриевич, крупный учёный в области химии и алхимии лекарственных препаратов. Но у нас особо хорошо помнят его дочь, Наталью Константиновну, двоюродную бабушку твоего приятеля, – он кивнул Андрею. – Она была знаменитым селекционером роз, и её саженцы ценились на вес золота.

– Это ты у своих в клане узнал? Прости, но что гномы понимают в саженцах? – удивился Верещагин.

– А что же, мы только деньги считать и умеем? – надулся Вренн. – Между прочим, наши сорта помидоров по всем параметрам превосходят эльфийские! А помидорное дерево кто вывел, знаешь? А я тебе скажу! Джебеддо Рункин из клана Вэльсунгах вывел многолетнее дерево, с которого четыре

раза в год собирают по пятьсот килограммов!

– Помидо-оры... – фыркнул Гай. – Не было на нашем континенте до пятнадцатого века никаких томатов, и ничего, жили. И вообще, речь-то шла о розах!

– Стоп-стоп-стоп! – Андрей примирительно поднял ладони. – Гай, тебе слово давали, и ты уже высказался. Вренн, не трать времени. Мы поняли, что настоящие садоводы среди гномов не редкость, рассказывай дальше.

Шумно выдохнув, гном несколько секунд сверлил Гая взглядом, потом продолжил.

– Значит, двоюродная бабушка фигуранта... Замужем не была, всё состояние – немаленькое, кстати! – завещала племяннику, отцу Вадима. Поместье туда входило. Виталий Снигирёв был игроком, трижды брал кредиты в Драхтаугалергн-банке, правда, возвращал в срок. Это всё. Виталий умер, и Вадим получил поместье, как единственный наследник. Теперь по покупателям... – он перелистнул страницу в блокноте. – В наших записях отмечены не все. Я нашёл троих, у кого были деловые контакты с общиной и ещё двоих, имевших или имеющих доселе счета. Значит, во-первых, упоминавшийся тут Котов. Вёл дела с торговыми компаниями клана Атварр, никаких претензий, о которых стоило бы говорить. Во-вторых, Иоганн Мюнцлих, это второй покупатель, который поднимался на башню и чего-то испугался. Приезжал он в имение в апреле прошлого года, а в начале мая перевёл все счета в отделение Драхтаугалергн-банка в

Монакуме и уехал туда с концами.

– Причины не указывал?

– Не спрашивали, – мотнул головой Вренн. – Самый интересный оказался тип со скрипками.

– Ложников?

– Да. Ложников Владимир Михайлович, владелец сети магазинов «Струны и клавиши». Он также обладал счётом в упоминавшемся банке...

– Обладал или обладает? – уточнил Верещагин.

– Счёт открыт и по сей день. Но! – гном торжественно воздел к потолку указательный палец. – В Кьянти!

– Где?

– Городок такой, Гайоле-ин-Кьянти, в Тоскане. Господин Ложников купил там дом и виноградник, женился на местной девушке. А магазины оставил в управление брату.

– Интересно. И как романтично! А что случилось раньше, женитьба или покупка виноградника? – поинтересовалась Лена.

– Банку это неизвестно, – ответил Вренн, захлопывая блокнот.

– А нам неинтересно, – добавил Андрей. – Потому что никаких объяснений или способов решения нашей проблемы я в этих сведениях не увидел.

Увы, ничего, что могло бы пролить хоть какой-то свет на загадку имения Снигири, в записях Вренна так и не нашлось.

– Хорошо... – задумчиво произнесла Елена, оглядывая

соратников. – То есть, пока ничего хорошего, но мы надеемся. Кто ещё не выступал? Алекс, у городской стражи что-то удалось узнать?

– Кое-что, кое-что... Ну, насчёт карточных проигрышей я уже сказал. Ещё могу изложить кое-что по поводу утопленника. Дело целиком мне посмотреть не удалось, оно сдано в архив, поскольку смерть была признана результатом несчастного случая.

– Утопленник... – проведя пальцем по списку, гном, кивнул. – Ага, Петровский Иван Ванифатьевич. Приехал в имение восемнадцатого августа, на следующий день осматривал дом и хозяйство, а двадцатого пошёл купаться на реку Истру.

– Именно так, – кивнул Верещагин. – Поскольку к обеду он не вернулся, хозяин отправил людей на поиски. Тело было обнаружено километрах в двух ниже по течению, вскрытие показало, что господин Петровский захлебнулся речной водой. Никакого магического воздействия не обнаружили.

– Истра – река быстрая и очень холодная. Могло свести ногу... – Елена потянула к себе копию протокола осмотра, которую держал в руках Алекс.

– Могло, – не стал он спорить.

– А почему всего в двух километрах? Кстати, знает кто-нибудь, какая там скорость течения?

Никому это известно не было, но Верещагин заметил:

– Полагаю, уж этот-то момент местные стражники проверили. Кому и знать, как не им. Впрочем, вы ж там будете уже

завтра, вот и поговорите, порасспрашивайте.

– Угу...

– Что же касается её сиятельства княгини Шаховской, то я попытаюсь с ней увидеться в ближайшие дни, и задам вопрос, чем Сنيгири ей не понравились.

– Или чем понравилось другое имение, – добавил Андрей.

Глава 2

20 марта 2186 года

«Дорогой дневник, ты остаёшься в доме, может, и не за главного, но наблюдателем. Через полчаса мы с А. сядем в экипаж, который довезёт нас до вокзала, и далее – поместье Снигири. Странное название, неправильное. И неправильная реакция А. на мои вопросы – почему, собственно, он не хочет рассказывать об истории своего знакомства с этим самым Вадимом? Вообще неясно, где они могли пересечься? Я знаю, что мой друг родился и вырос в Саратове, более того – там ещё его прадед жил! А пресловутый «старинный приятель» – коренной москвич...

Вообще много непонятного в этой истории. Если они такие уж давние знакомые, почему я никогда не слышала о Вадиме Снигирёве? Ведь точно запомнила бы такую... такую дурацкую фамилию. Как можно продавать «родовое гнездо»? И не оттого, что тебе жизненно необходима большая сумма, а просто так. Не чтобы было, а чтобы не было. Значит, клиент нам, как минимум, что-то недоговаривает?

Впрочем, клиенты всегда недоговаривают. Если не врут...»

Елена захлопнула тетрадь, положила её в ящик тумбочки и сделала несколько шагов к двери. Потом огляделась по сторонам, метнулась назад, вытащила дневник и сунула его

в сумку, почти на дно, раскопав свитера и пакеты.

– Поедешь со мной! – сказала она сурово. – А то мало ли что! Мелания!

– Слушаю, – раздалось из-за шторы.

– Дневник я взяла с собой, Гай едет с нами, – при этих словах она услышала явственный вздох облегчения. – Здесь остаётся только Вренн...

– Да не волнуйся ты так, Елена Дмитриевна, накормлю я вашего секретаря! Иди уже. Экипаж у дверей.

* * *

Главный дом имения Снигири оказался неожиданно уютным и тёплым.

Елена заранее готовилась к тому, что будут колонны и парадное крыльцо, холодные анфилады и тесные жилые комнаты. Уговаривала себя, что, конце концов, они едут на пару-тройку дней, один раз погостить – и всё. И всё! Можно перетерпеть духоту, плохое освещение и общий нежилой запах.

Тьма его знает, в каком романе она вычитала такую обстановку...

Экипаж остановился, и она разлепила глаза. За окошком сиял голубым серебром снег, тяжёлые ветви мощных елей склонялись до земли под белыми шапками; солнце гладило щёку тёплой лапой. От главной дороги вправо вело ответв-

ление, и, если верить указателю «Снигири», туда и надо было ехать.

– Проснулась? – весело спросил Андрей. – Гляди внимательно, Вадим говорил, что это нельзя пропустить.

– Угу, – вяло кивнула она. – Куда смотреть-то, вправо или влево?

– Смотри, – повторил напарник.

Медленно свернув, экипаж покатился по гладкому снежному накату. Давным-давно вдоль этой дороги высадили берёзы. Сейчас их толстые стволы почти не были заметны на фоне белого поля, только графика чёрных ветвей и розоватые тени на сугробах добавляли картинке объёма.

Ещё раз направо, ворота оказались распахнуты настежь, и гости въехали в регулярный парк. В конце длинной подъездной аллеи виднелся дом – двухэтажный, со светло-зелёными стенами и белыми наличниками. Были видны и колонны, числом четыре, но не нахальные толстопузые ионические с бараньими рогами поверху, и не надменные коринфские, отряхивающие пыль веков со своих акантовых завитков. Колонны были тонкие, сдвоенные, со скромными тосканскими капителями.

На невысоком крыльце стоял мужчина в длинном белом тулупе и меховой шапке. Он поспешно сбежал по ступенькам, распахнул дверцу остановившегося экипажа и подал гостье руку. Елена улыбнулась, оперлась на его ладонь, поставила ноги на утоптаный снег и глубоко вздохнула.

Воздух был совершенно другой. Лёгкий, чуть колючий, пахнувший свежестью...

Мужчина обнялись. Потом Андрей расплатился с водителем, экипаж развернулся, подняв тучу снежной пыли, и уехал.

– Лена, разреши тебе представить – Вадим Витальевич Снигирёв, мой давний знакомец, – компаньон улыбался во весь рот. – А это Елена Дмитриевна Асканова, мой компаньон, друг, соратник... и вообще.

Она пожала протянутую руку.

– Рада знакомству.

– Пойдёмте! – спохватился хозяин. – Что ж я вас на морозе держу, вы ж люди южные, непривычные.

– Ну, южные или нет, но в конце марта у нас в Саратове уже крокусы зацветают, – хмыкнул Андрей. – С другой стороны... Хоть и не замёрз я, а чаю бы выпил.

– Не вопрос! Обедать в три будем, а сейчас чайку... Наталья Петровна! – позвал Вадим, войдя в прихожую и стряхивая снег с сапог.

На зов появилась крупная немолодая женщина, будто с картины Машкова – румянец во всю щёку, серые небольшие глаза, волосы собраны в гульку на макушке, на плечах яркий платок.

– Самовар готов уже, – сказала она басом. – Проходите...

Доедая последнюю булочку с орехами, Андрей спросил:

– Слушай, а что-то твоя жена с нами не стала чай пить?

Дел много?

– Жена? – растерянно спросил Вадим, потом сообразил и махнул рукой. – А, Наталья Петровна? Так это не жена, что ты! Это... ну, так скажем, домоправительница здесь. Без неё бы и дом давно развалился. А супруга моя, Лидочка, Лидия Аристарховна, она эти места не любит. Даже летом не приезжает.

– Что так?

Хозяин дома пожал плечами.

– Говорит, всё детство провела за городом, в непригодном доме, без удобств, и больше никогда не желает это повторять. Но Лидочка вообще человек южный, холод не любит, сразу болеть начинает, кашляет. Так что я её на зиму отправляю на юг, к морю. В этом году вот в Марсалию, а потом в Ниццу поехала.

Лена хотела расспросить поподробнее, но с улицы послышались голоса, что-то зазвенело и гулко упало на пол в прихожей, неразборчиво протрубила Наталья Петровна...

– О, ещё гости приехали! – светло улыбнулся Вадим. – Праздник всё-таки! Побегу встречать, вы чай допивайте и... погуляйте пока, что ли. Наталья Петровна вам потом вашу

комнату покажет.

И он выскочил из гостиной.

Пару минут выждав, Лена подошла к двери, резко распахнула её, чтобы удостовериться, что ничьи уши возле замочной скважины не греются, и вернулась к столу.

– Гай! – негромко позвала она.

– Могли бы булочку и оставить, – немедленно материализовалась на ручке кресла фигурка в ярко-зелёной рубашке.

– Оставили. Вот, держи, – и Елена протянула ему слойку с шоколадом. – Сейчас остальных гостей будут расселять, ты сможешь посмотреть, кто там и как?

– Посмотреть, послушать и разобраться по возможности, – кивнул пикси, заталкивая в рот последний кусочек плюшки. – Что б вы без меня делали? – добавил он с выражением превосходства и тут же исчез.

– Ну что же, пойдём и в самом деле погуляем? На дом поглядим, сад осмотрим, – предложил Андрей.

– Что там осматривать, зимой-то? Снегу полно!

– Не скажи! Сад тут в основном яблоневый, и в конце марта уже столько всего должно быть сделано, ты и представить не можешь!

– Например?

– Например, обрезка. Стволы молодых деревьев должны быть побелены, – говоря всё это, Беланович помог подруге застегнуть сапоги и подал шубку. – Защита от заморозков должна стоять, магическая или естественная, кострища надо

подготовить.

– Всё-всё-всё! – Лена подняла руки, сдаваясь. – Откуда только ты это знаешь?

– Дорогая, ты не забыла, что год назад я унаследовал похожее имение? Конечно, там управляющий всем занимается. Но проверять-то я должен!

– Ах, вот оно что...

Андрей осмотрел сад, порой хмыкая. Кое-что было сделано, но в целом за деревьями явно не ухаживали. Впрочем, скорая весна залёт яблони цветом, а осень должна принести хороший урожай. Интересно, а кто им распрягается? И вообще, может ли поместье жить собственной продукцией, или в него надо вкладывать и вкладывать, словно в пасть прожорливому псу? С этим вопросом он подошёл к Елене, но напарница его не слушала. Прищурившись, она оглядывала дом.

– Интересно, а эта самая Наталья Петровна тут же в доме живёт? – спросила она. – А если дом всё-таки продадут, то что с ней будет?

– Пойдёт как предмет обстановки. Недвижимый. Вроде камина или голландской печи, – пошутил Андрей и поёжился: по спине пробежал холодок. – Пойдём назад, замёрз я.

Приехавших оказалось три пары с двумя довесками, плюс одинокий путник. Имена напарник Елене перечислил, пока они скидывали шубы и переобувались.

Алексей Борисович Левинсон, адвокат. Седая львиная грива, усталый прищур, твидовый пиджак с кожаными нашлёпками на локтях. При нём жена, Софья Яковлевна – кругленькая, уютная, с пышными белоснежными волосами.

Владимир и Алла Марковы, странно похожие между собой высокие худые блондины с неподвижными улыбками, какие бывают на архаической скульптуре. Они привезли с собой восьмилетнего сына Николая, от одного взгляда на которого у Лены заныли зубы, так явственно она вспомнила давнюю практику в детской инспекции. Мальчик обещал неприятности...

Художник Корнелий Васильев, обширный и кудлатый, с подругой Стеллой, сопровождаемые племянницей дамы по имени Лиана.

Юрий Сергеевич Тороканов, кузен хозяина дома, удивительно на него похожий.

Вся эта толпа клубилась в большой гостиной, обнималась, разливала по кружкам исходящую паром жидкость и беспрерывно болтала.

– Дорогие мои, – громко сказал Вадим. – Разрешите вас

познакомить с моими давними друзьями, Андреем и Леной.

Гости чуть примолкли, смирив более или менее рассеянными взглядами незнакомцев и вернулись к болтовне. А хозяин дома всё не унимался.

– Давайте, ребята, присоединяйтесь! Юра, налей им грогу! Стелла, ты spoёшь?

– Позже, Вадик, позже!

Голос у неё оказался низкий и чуточку хриплый.

Бегло улыбнувшись всем, Лена взяла кружку с горячим напитком и отошла в сторонку. Осмотреться.

Господин Левинсон устроился в большом кожаном кресле и благосклонно улыбался чему-то, что с горячностью говорил ему Юрий. Софья Яковлевна стояла за спиной супруга и поглаживала его по плечу. Марковы беседовали с Корнелием... Уже даже не беседовали, художник достал откуда-то довольно большой альбом и переворачивал его листы, демонстрируя рисунки. Мальчик Коля задумчиво грыз семечки, собирая очистки в кулачок. Андрей и Стелла что-то обсуждали, глядя в окно.

Все при деле. Все давно знакомы. Мило, уютно, подомашнему.

Отчего у неё внутри тоненько звенит струна, будто призывая не расслабляться?

Обедали «на скорую руку», как заявила Наталья Петровна, закусками, супом и пирогами. Глядя на длинный стол, уставленный блюдами, Лена подумала, что, наверное, здесь живёт свой собственный домовой, и неплохо было бы с ним побеседовать. Вот только как?

Она глянула на экономку, как раз в этот момент разливавшую по тарелкам кислые щи. Суповая тарелка вполне могла претендовать на почётное звание миски, в ней горкой лежала тонко нарезанная капуста, под капустой прятались размякшие в бульоне белые грибы, а сверху ледяной шапкой поблескивала густая сметана.

– Ой, мне половину, пожалуйста, – тоненько пискнула девица, приехавшая с художником.

«Как же её зовут? – думала Елена, примеряясь, чтобы не плеснуть бульоном себе за шиворот, очень уж было горячо. – А, Лиана! Я ж помню, что какое-то растительное имя...»

– Что не съешь, выкинем, – сурово сообщила Наталья Петровна.

Девушка с ужасом глядела на поданные ей щи, даже пирожок надкушенный отложила в сторону.

Быстро доев, Лена встала из-за стола и пошла на кухню. Там домоправительница загружала тарелки от закуски в мочный агрегат. На пришедшую гостью глянула искоса, повер-

нулась спиной и стала выгружать из холодильного ларя сверкающие боками тушки рыбы. Потом распрямилась и спросила:

– Не так что-то?

– Всё так, – пожалала плечами Лена. – Давно такие вкусные щи не ела. Разве что когда-то у бабушки.

– То-то же.

– Спросить хотела. Вы сами всё готовите, или помощники есть?

Экономка прищурилась:

– А вам зачем? Хозяйство у каждого своё, кто как приспособился, так и делает.

– Наталья Петровна, – Елена вздохнула. – Вам Вадим не говорил, зачем мы приехали? Он попросил нас, моего партнера и меня, выяснить, почему не удаётся продать имение.

– Говорил, – пока шла беседа, женщина споро начала чистить карасей. – Глупость это, госпожа Асканова, вот я вам что скажу. Триста лет Снигири семье принадлежали, а теперь вдруг продавать удумал! Я-то не пропаду, меня давно зовут и Юшковские, и Кладневы, а вот что Вадим Витальевич со своей фифой делать будет? В Ниццу шататься? Да тьфу!

– Даже если я с вами согласна целиком и полностью, поделат ничего не могу. Работа есть работа, вы же понимаете.

– Ну вот и идите, работайте. А мне не мешайте.

И она поставила точку, бросив с размаху последнюю вы-

чищенную рыбину в таз.

«Ладно, – думала Лена, возвращаясь в столовую. – Не больно-то и хотелось. Домового мы вечером выманим, найдём уж чем и как. И тётка-то права, грех продавать такое хозяйство. Я ж вижу, что Вадиму тут хорошо! Ничего, будем работать по заказу и присматриваться...»

Обедавшие уже расплзались по своим комнатам. На лестнице хозяин дома говорил громко, так, чтобы слышали все гости:

– Часок отдохнём, и гулять, дышать свежим воздухом, а там и к ужину готовиться пора! А после ужина пойдём на горку! Покатаемся, горка в этом году отличная получилась, длинная.

– Кататься-то на чём будем, как в прошлом году, на собственной пятой точке? – громыхнул Васильев.

– Санки сделали, на всех хватит!

Оставшись в столовой одна, Лена завернула в салфетку несколько пирогов с грибами и с зелёным луком: пребывание в доме пикси пока не легализовали, а поесть он любил.

– Гай, ты здесь? – позвала она, войдя в отведённую им с Андреем комнату.

Никто не откликнулся, не было и Белановича.

«Небось дегустирует коньяк с Вадимом, – догадалась Елена. – Ну и ладно, а я в самом деле подремлю».

Она улеглась, не раздеваясь, поверх одеяла, закуталась в пушистый плед и заснула крепко-крепко, как можно заснуть

только зимой на даче.

Разбудил её взгляд в упор.

– Ты во мне дыру просверлишь, – сказала Лена, натягивая плед на голову. – Уйди. Я спать хочу.

– Просыпайся! – зазвенел возмущённый голосок. – Вставай немедленно, иначе я вылью тебе на голову кувшин холодного компота, не будь я Галлитрап Бидли!

– Что случилось? – она села и потрясла головой. – Что-то с Андреем?

– Вообще-то я уже принял душ и даже галстук повязал, – ответил голос напарника откуда-то сбоку. – Ты заспалась, Лен, через полчаса ужин.

– Вот именно! – вмешался Гай. – Ужин! А у меня и обеда не было!

– Я же тебе принесла пирожков...

– Пирожков... – пикси надулся. – Между прочим, я нормальное разумное существо, а не ворона какая-нибудь. Мне нужна правильная еда, первое, второе...

– И компот, – фыркнула Елена, нашаривая тапочки. – Пока не получилось у меня договориться с кухаркой. И домашнего ещё не нашла, потерпи.

– В конце концов, мы здесь ненадолго, послезавтра уедем, – подключился Андрей. – Расскажи пока, что тебе удалось выяснить. Кстати, вон в том шкафу в коробке шоколадные эклеры. Закрыты стазисом, так что мы уйдём ужинать, а они достанутся тебе, все четыре.

– От Филиппова? – пикси принялся.

– Из «Laduree».

– Ладно. Тогда рассказываю. Значит, адвокат.

– Левинсон?

– А что, тут другой есть? – фыркнул Гай. – Левинсон, конечно. Приехал он по делу, а вовсе не отдыхать. У господина Снигирёва судебный процесс, и судится он с соседом из-за дубовой рощи площадью полтора гектара.

– Про дубовую рощу мы уже где-то слышали... – Лена отложила кисточку, которой подкрашивала глаза, и потянулась к папке с записями.

– Потом посмотришь, рисуешь лицо и не отвлекайся! – остановил её Андрей. – Продолжай, Гай.

– Продолжаю. Ещё Левинсон посмеялся, когда жена его спросила, какой смысл нанимать такого дорогого адвоката из-за грошового дела. Сказал, что на данный момент роща оценивается в сорок тысяч дукатов.

– Нехило, – присвистнула Лена.

– Дальше, художник с его дамой ссорились. Я там проторчал минут двадцать, но так и не понял, из-за чего – то ли она от него хотела уйти, то ли он от неё. Понял только, что он очень недоволен тем, что с ними приехала племянница Стеллы.

– А племянница в это время?..

– Племянница в это время трепалась по коммуникатору с подружкой. Слушать не стал, потому что они перемыва-

ли косточки кому-то неизвестному. Далее, семья с мальчишкой... Слушайте, это какой-то выкормыш Тьмы, а не ребёнок! Он отыскал на подоконнике пару спящих мух и оторвал им лапки, потом отцовской бритвой изрезал обивку кресла, а материной губной помадой изрисовал обои. Потом стащил у матери пудру, стал подбрасывать её вверх и орать «Облака, облака!», стучал в стены каблуком ботинка... И всё это время не переставал ныть, что ему скучно! Какое счастье, что у вас обоих нету детей!

И писки преданно уставился на компаньонов.

– А родители что в это время делали?

– Примерно то же, что вы сейчас, – Гай ехидно усмехнулся. – Мадам красилась, господин Марков брился, на ребёнка обращали примерно столько же внимания, сколько на лай соседской собаки.

– Ясно. Кто у нас остался? – Елена за время рассказа успела докраситься и сейчас переодевалась за ширмой в коктейльное платье в стиле «великого Гэтсби», тёмно-золотое с отделкой полосой синего бархата.

– Остался кузен, – ответил Андрей. – Тёмная лошадка, вообще говоря, я-то считал, что у Вадима не осталось живых родственников.

– Кузен спал, – отчитался Гай. – Я заглянул к нему ещё раз перед тем, как сюда вернуться – ну, он уже проснулся и пил.

– Что?

– Аква-виту, судя по запаху.

– Ясно. Ну что же, я готова, только туфли надеть, – сообщила Лена, выходя из своего укрытия.

– Ого! – пикси бесцеремонно подскочил и пощупал ткань платья. – Мягкая, а я думал, колоться будет. Ты ничего, выглядишь получше остальных тёток!

Усмехнувшись, Беланович достал из шкафа коробку с логотипом знаменитого кондитера, жестом снял стазис и открыл крышку. Невыносимо запахло шоколадом.

– Наслаждайся, заслужил!

Елена взяла его под руку, они вышли из комнаты, и Андрей тщательно запер дверь.

* * *

В середине ужина, когда гости расслабились, голоса стали громче, а разговоры – свободнее, Лена тихонько выскользнула из столовой и поднялась на второй этаж. В комнате она сбросила туфли, села в кресло и сказала негромко:

– Уважаемый домовый! Московский главный, Лавр Корнеевич, передавал привет здешнему старшему, Порфирию Никодимовичу, а вас просил поговорить со мной.

Несколько мгновений было тихо, потом колыхнулась тяжёлая штора, и бородатый мужичок в локоть ростом появился на подлокотнике второго кресла.

– Ну, и о чём говорить хочешь?

– Меня зовут Елена, моего партнера – Андрей. А вас?

– Мефодий Варламович я. А этот ваш рыжий, который по всему дому шастает, он кто?

Мысленно выругав Гая и пообещав выдрать ему рыжие патлы, если он успел поссориться и с этим домовым, она спокойно ответила:

– Это наш помощник, он пикси. Его зовут Галлитрап.

– Галлитрап, – фыркнул домовый. – Ладно, спрашивай.

– Хозяин дома нанял нас, чтобы разобраться, почему ему не удаётся продать имение.

– Да потому что нельзя! – раздражённо ответил Мефодий Варламович.

– Почему нельзя?

Но объяснять он не пожелал – фыркнул, плевался, дёргал себя за бороду, но дальше сказанного не шёл. Наконец Елена отступилась.

– Ладно, – сердито выдохнула она. – Нельзя. Будем работать сами. Но если что, вы нам поможете?

– Можно будет – помогу, – неуступчиво ответил домовый. – Если тебе Лавр Корнеевич доверяет, мне перечить не след, а только есть и посильнее меня сила. Видно будет. Всё, за тобой идут.

И он исчез, будто и не было.

В дверь и в самом деле постучали. На пороге стояла Софья Яковлевна Левинсон, смотрела с тревогой:

– Леночка, с вами всё в порядке? Вы так надолго пропали...

«Вот интересно, – зло подумала Елена. – А если бы у меня приступ поноса случился, ты бы тоже пришла выяснять?»

– Спасибо, – вымученно улыбнулась она. – Никаких проблем, просто получила магвестник, пришлось срочно отвечать.

Софья Яковлевна окинула взглядом комнату, не увидела ни бумаги, ни пера, и понимающе поджала губы.

– Да, конечно. Дела. Я понимаю.

– Пойдёмте, я уже всё закончила.

«И дверь теперь не запрёшь, уходя, начнёт ведь подозревать не пойми в чём. Такая уютная пожилая леди, а смотрит – и жутко делается».

Нежно улыбаясь друг другу, дамы бок о бок спустились по лестнице...

* * *

После десерта хозяин дома, радостно потирая руки, спросил:

– На прогулку? Смотрите, какой снег идёт, словно в сказке! И не холодно вроде бы...

– Мокро только, так что горка отпадает, – поёжилась Алла Маркова. – Кто-нибудь проверял прогноз погоды?

– Завтра обещали потепление, – ответила Софья Яковлевна. – Так что если гулять – то сейчас.

Толкаясь и посмеиваясь, все отправились переодеваться.

Конечно, это заняло какое-то время, и на крыльцо вывалились уже ближе к полуночи. Небо было затянуто тучами, снег всё сыпал, прямо на лету слипаясь в громадные комья. Запрокинув голову, Лена поймала такую снежинищу на язык и замерла.

– Вкусно? – спросил кто-то из мужчин.

– Лучше любого мороженого, – ответила она.

– Пройдёмся до рожи? – предложил Вадим.

Накатанная дорога была ещё различима под свежим снегом, но ноги гуляющих проваливались глубоко, а под подошвами хлюпало.

– Пожалуй, я вернусь, – сказал Левинсон недовольным голосом. – Соня, пойдём! Ноги промочишь.

– Лёвушка, но я хотела прогуляться перед сном...

– Соня, – повторил супруг с нажимом. – Пойдём!

Пожав плечами, Софья Яковлевна повлеклась следом за повелителем. Дождавшись, пока их фигуры закроет снегопад, Стелла фыркнула:

– Бежит следом по свистку, словно собачка.

– А может быть, она просто с ним согласна? – возразила Маркова.

– И тебе не мешало бы иногда считаться с моим мнением, хотя бы для разнообразия, – добавил Корнелий весёлым голосом.

Как раз в этот момент тучи разошлись на миг, и на лицо художника упал лунный луч. Елена даже вздрогнула, на-

столько не соответствовали его мрачному взгляду этот голос и широкая улыбка.

Тут откуда-то ударил порыв ветра со снежным зарядом, и Андрей озабоченно произнёс:

– А господин Левинсон был прав! Надо возвращаться, похоже, снег теперь с дождём...

Дорога к дому, такая нарядная и праздничная каких-то десять минут назад, стала превращаться в сплошной каток, гладкий и скользкий, словно зеркало. Цепляясь друг за друга, падая и хохоча, компания доползла до крыльца, и все упали в изнеможении.

Хозяин дома, с сожалением оглядывая их, сказал:

– А я ещё хотел предложить поиграть в лото...

– Нет-нет, никаких игр! Горячий душ и тёплое одеяло, это я вам как врач говорю! – воскликнул Владимир Марков. – Иначе ты рискуешь завтра получить лазарет на десять коек.

Елена сразу же отправилась наверх, чтобы поскорее попасть в душ: она и в самом деле замёрзла и промочила ноги, а ваннх комнат было всего две. Отогревшись под горячей водой, она надела пижаму, завернулась в тёплый халат, замотала волосы полотенцем и уступила место Стелле. Та буркнула что-то вроде благодарности.

В комнате у них был гость. Точнее, хозяин – Вадим сидел у разожжённого камина, на журнальном столике стояла бутылка коньяку и три бокала.

– Будешь? – спросил Андрей.

– Конечно. Но вам, Вадим, придётся простить мой разобраный вид.

– Ничего, я понимаю, все промокли.

Коньяк был хорош. Лена устроилась в кресле с ногами, отпивала по глоточку, слушала...

Начал разговор Андрей.

– Скажи, – спросил он, подливая Снигирёву в почти опустевший бокал. – Скажи, зачем ты собрал такую странную компанию? Видно ведь, что эти люди не дружат между собой. Вон, Алла Маркова чету Левинсонов вообще еле терпит.

– Это да-а... – ответил Вадим чуть медленнее, чем обычно. – Но тут дело в том, что Лев Борисович отказался заниматься процессом, который затеял Володя Марков. Там какая-то неприятная история с пациенткой, которой стало хуже после лечения, Левинсон почитал материалы и сказал, что процесс заведомо проигрышный.

– Ясное дело, что у него дело, – скаламбурил Андрей. – Но зачем было звать их вместе?

В ответ приятель лишь пожал плечами:

– Да я и не думал об этом. Дом большой, можно за весь день ни разу и не встретиться.

– Ладно, а художник этот и его семейство?

– Корнелий? Он хотел писать зимние этюды, вот как раз и снег напал.

Вытянув шею, Елена посмотрела в окно.

– По-моему, по стёклам лупит дождь, – сказала она.

– Ну, значит, напишет «Грачи прилетели», ничего страшного, – заржал Вадим. – Да нет, ребята, всё нормально! Замечательные всё люди, мои друзья, завтра праздник устроим! Юрка, конечно, приехал без приглашения, да мне не жалко. Не так много у меня родни, а места полно, сами видите, – и он широким жестом обвёл комнату.

– Иди уж спать, – вздохнул Андрей. – Завтра будет день, посмотрим, как и что делать.

* * *

Когда не слишком трезвый хозяин дома ушёл, Лена забралась под одеяло на своей кровати и закрыла глаза.

– Нас с тобой, между прочим, считают супружеской парой, – сказал напарник, переодеваясь за ширмой.

– Ты, по-моему, не стал их разубеждать...

– Не стал. А зачем, кому какое дело?

– И то правда. Заметил, какая тишина вокруг?

– Дождь только слышно.

– Дождь, и ветка где-то там стучит о подоконник. Давай спать, что-то устала я сегодня...

Среди ночи Елена проснулась. Что-то странное ворвалось в её сон, какой-то звук, которого не должно было быть в этой предутренней мгле. Крик, стон? Что-то разбилось?

«Да и Тьма с вами», – подумала она, поворачиваясь на другой бок.

Глава 3

21 марта 2186 года.

«Ну что же, дорогой дневник, давай поговорим о деле.

Поместье Снигири. Большой, уютный, тёплый дом, окружённый лесами, полями и рощами. Собственными. Рощи ухожены, не зря же тот игрок, Савва Котов, хотел с собой миколога привезти на предмет выращивания трюфелей. Поля, конечно, сейчас под снегом, но известно, что Вадим сдаёт их в аренду, и арендаторы довольны. Леса... ну ладно, просто обширны. Словом, всё отлично. Зачем продавать?

Далее, сам хозяин здешних мест, Вадим Снигирёв. Может, он и давний приятель Андрея, но уж точно не близкий друг. Нет в их разговоре той специфической близости, каких-то общих воспоминаний, словечек, той неуловимой нотки, которая всегда появляется при общении старых друзей. И это значит, что А. что-то от меня скрывает.

С другой стороны, все что-то скрывают, даже от самых близких... Стоит ли лезть в это глубже?

Смешно, нас сочли супружеской парой и, разумеется, разместили в одной комнате. Всякое бывало в нашей жизни, всё-таки больше двадцати лет дружим, помнится, и в одном спальном мешке пришлось спать как-то. Но вот отчего-то никогда и мысли не возникало о каком-то сексуальном подтексте. Может, зря?

Нет, к Тёмному. Не надо нам портить отличные отношения этой путаницей. Вернёмся лучше к делу.

Гости... Гости непростые, и мне бы очень хотелось знать имеют ли они отношение к продаже? Адвокат, например. Или кузен?»

Тут на соседней кровати зашевелился напарник, и Лена быстро захлопнула дневник.

Утро выдалось серое. Дождь закончился, и на Снегири лёг туман, густой, словно разбавленное молоко. Сквозь него с трудом можно было разглядеть тёмные пирамиды елей, отгораживающих огороды и прочие хозяйственные службы. Потянувшись, Елена раздёрнула шторы на окнах и посмотрела вниз.

– Андрей, – сказала она хрипло. – Подойди сюда, скорее.

– Ленка, я сплю ещё... – пробормотал он из-под одеяла.

– Иди сюда!

Она смотрела вниз, не отрываясь. Увы, картинка не менялась: серый подтаявший сугроб и на нём – раскинувшая руки женская фигура лицом вниз. Возле головы женщины темнело нехорошее пятно...

– Кто это? – спросил Андрей за её спиной.

– Как ты догадываешься, я пока не имела возможности посмотреть вблизи. Можно предположить... Спортивная фигура, довольно высокая, в джинсах, значит, или Маркова,

или Стелла. Лиана совсем тростиночка, а Софья Яковлевна поменьше и покруглее. Впрочем, в таком ракурсе...

– Понятно. Давай, одеваемся по-быстрому, зубы чистить будем позже. Я иду будить Вадима, а ты вниз, чтобы никто не кинулся хватать руками и оставлять следы.

– Зубы я всё-таки сейчас почищу, – пробормотала Лена. – По-быстрому, ха! Потом точно никто такой возможности не даст.

Спешно натянув джинсы и свитер, она слетела по лестнице в прихожую, прыгнула в валенки и шубу. Потом огляделась, открыла дверь кладовки и взяла оттуда швабру.

Дом пока только просыпался. Вот кто-то протопал наверху по коридору, судя по тяжёлой походке, Корнелий пошёл умываться. Вот потянуло с кухни свежим хлебом... Лена задумалась: может, сходить и предупредить Наталью Петровну? Потом решительно качнула головой, потянула на себя входную дверь и вышла на обледенелое крыльцо.

– Скажешь ей про труп, она в обморок хлопнется, а пока я буду ею заниматься, кто-нибудь в окно глянет и увидит. Нет уж, варит кашу, вот пусть и не отвлекается...

Она обошла дом и, осторожно ступая, подошла к телу.

Женщина лежала так, что с этой стороны виден был только затылок. Подтаявшие остатки снега, ледяная каша, лужа стылой воды. «Видимых следов, конечно, никаких нет, – подумала она Лена. – Магические... даже если и были, вода

смывает всё. Разве что микроследы в ране найдут?».

Медленно, держась на расстоянии, она стала обходить эту жутковатую инсталляцию. Наконец, стало видно лицо; глаза приоткрыты, на виске виднеется гематома. «Стелла... Удар в висок и мгновенная смерть. А кровь на затылке откуда? – привычный взгляд фиксировал детали, пока ни за что не зацепляясь. – Художник с ней вчера ссорился, так что же, дошло до убийства? Я слышала только что, как Корнелий шёл в ванную, только у него такая тяжелая и неровная походка. Вчера убил женщину, почти жену, выкинул тело в окно, а с утра, как ни в чём ни бывало, отправился чистить зубы?». Она подняла взгляд: вон те два окна слева – их комната, следующие два – комната адвоката, а прямо над телом... двойной ширины переплёт и эркер. Кого же там разместили?

Так, стоп. Вчера Стелла и Корнелий заходили в дверь напротив, то есть, их окна вообще выходят на другую сторону, на парадный подъезд!

– Мать Великая, да что ж это такое? – раздался горестный вскрик за спиной у Елены.

– Это труп, Вадим, – ответила она, поворачиваясь. – Вы вызвали стражников?

– Что? – хозяин дома смотрел растерянно, словно не понимая вопроса.

Андрей за его спиной кивнул.

– Да, вызвали, – сказал он. – Надо, наверное, как-то огородить это?

– Я хотела хотя бы начертить круг, – Лена кивнула на брошенную в сторону швабру. – Но ты сам видишь, по льду много не начертишь. Придётся тут стоять, сейчас ведь все прибегут...

И в самом деле, не прошло и десяти минут, как все гости столпились, удерживаемые Андреем на расстоянии пары метров. Взгляд Елены скользил по фигурам и лицам, отмечая реакцию.

Вот Корнелий упал на колени прямо в ледяную лужу, согнулся, схватившись за голову.

Лиана вскрикнула и спрятала лицо на плече Юрия Тороканова. Они что, знакомы? Или это был первый, кто оказался рядом?

Лицо самого Тороканова, странно сосредоточенное, с закушенной губой.

Марковы – каменные, совершенно одинаковые маски супругов и живая рожица мальчика, на которой написано только любопытство.

Нахмуренные брови адвоката и его рука, обнимающая за плечи жену.

Наталья Петровна не подошла близко, смотрела издалека, с жадным интересом.

Вадим, по-прежнему растерянный, вцепился в плечо Андрея, не отрывая взгляда от тела.

Выждав пару минут, Елена прекратила эту немую сцену,

окликнув экономку.

– Было бы хорошо всех покормить до приезда стражи. Наталья Петровна, ау!

– А? – оторвав взгляд от жуткой и притягательной картины, женщина спохватилась. – Ох, да-да, конечно! Завтрак готов, прошу вас, пойдёмте!

– Да как же можно, сесть и жрать сейчас? – голос Лианы подозрительно вибрировал.

«Сейчас свалится в истерику...»

Елена поморщилась и попросила:

– Юрий, уведите её, пожалуйста. Пусть умоется и хотя бы чаю выпьет, сладкого. Лев Борисович, попробуйте чуть отвлечь Корнелия. Ему бы стоило переодеться.

С Васильева и в самом деле текла грязная вода...

Подгоняемые Андреем, то и дело оглядываясь, гости поплелись в дом. Снигирёв всё стоял, держась руками за лацканы своей криво застёгнутой дублёнки, и Лена сказала:

– Вадим, найдите, пожалуйста, какое-нибудь большое полотно, чтобы прикрыть тело.

– Полотно? – переспросил он.

– Да. Покрывало, большой кусок брезента, мешковину...

– Да, понял. Сейчас. Минуту!

Он суетливо бросился к дому.

Поглядев вслед приятелю, Андрей сказал:

– Иди в дом, я теплее тебя одет. Позавтракай. Когда

стражники приедут, неизвестно, так что нам придётся меняться на дежурстве.

– Хорошо. Через час я тебя подменю, – кивнула Лена и пошла следом за хозяином дома.

При необходимости она умела не спорить.

* * *

В кухне царило молчание.

Чета Марковых ожесточённо работала челюстями, сражаясь с бутербродами. Их дитя вертелось на стуле, украдкой подкармливая сидящего под столом полосатого кота.

Лиана всхлипывала, размазывая по тарелке кашу. Корнелия не было видно.

Отсутствовал и господин Левинсон, отчего Елена предположила, что он с художником обсуждает перспективы возможного задержания. Софья Яковлевна глядела в окно, держась за большую чашку чая. Окно было почти сплошь затянуто ледяными узорами, так что смотрела пожилая дама, по всей вероятности, в свои мысли.

Тороканов методично заворачивал в блинчики тонкие ломтики сёмги.

Вадим шуршал и гремел чем-то в прихожей. При очередном падении чего-то железного сердце Натальи Петровны не выдержало, она со стуком поставила на стол большой фарфоровый чайник со свежезаваренным чаем и вышла.

Положив себе овсянки, Лена плеснула в неё молока и села за стол.

«Вот интересно, – думала она, – убийство связано с неудачными попытками продажи имущества? Или это яйца из разных корзинок? Надо выяснить, чьё же окно с эркером, сейчас поймаю экономку и спрошу. Вообще она удивительно спокойна, будто там не знакомая ей женщина лежит, а мышь дохлая. Стелла моложе и намного спортивнее, хотя бы по виду, так что Наталья Петровна могла с ней и не справиться. С другой стороны, если подойти сзади и ударить, то и справиться не понадобится... Ссадина на лбу и гематома на виске, то есть, ударили и вытолкнули? Интересно, что скажет патологоанатом».

Из прихожей послышался громкий сигнал коммуникатора и невнятное бормотание Вадима; почти сразу он вошёл на кухню, отыскал глазами Лену и протянул ей свой аппарат.

– Поговори, пожалуйста!

На экране виден был молодой мужчина в форменном полубубке.

– Здравствуйте! Вы – Асканова Елена Дмитриевна?

– Да.

– Разрешите представиться, старший инспектор Коваль, следственный отдел Истринской районной стражи.

– Чему обязана?

– Елена Дмитриевна... – даже на небольшом экране видно было, как инспектор мнётся. – А мы могли бы поговорить...

конфиденциально?

– Хорошо, подождите минуту.

Она вышла из кухни, ни на кого не глядя – и так спиной чувствовала устремлённые на неё вопросительные взгляды – поднялась в свою комнату и закрыла поплотнее дверь.

– Говорите, инспектор.

– Видите ли, какое дело... Мы не можем до Снигирей добраться.

– То есть как? – не поняла она.

– Никак. Дорога размыта, это ладно, но разлился ручей Заячий, и смыл мост через овраг. Получается, что вы там отрезаны от всего, вот...

– У вас что, магов нет? Заморозьте этот ручей, или пусть воздушники перенесут через него! – удивилась Елена. – И потом, при чём тут я?

– Елена Дмитриевна, так складываются обстоятельства, что мы доберёмся до Снигирей нескоро. Вы же сами сыщик, что я вам говорю – первые часы самые важные. Прошу вас, осмотрите тело и снимите первые показания с присутствующих, а я приложу все усилия, чтобы найти дорогу, так или иначе.

– Раньше или позже, – пробормотала она; в кончиках пальцев возник знакомый зуд, хотелось заняться привычным, хорошо знакомым делом. – Ладно, сделаю, что смогу. Магвестник сможете организовать?

– Попытаюсь, – радостно ответил инспектор.

– Вот пришлите мне магвестником подтверждение полномочий, и срочно! Без этого допросы проводить не стану.

Раскрасневшийся от радости Коваль гаркнул что-то невразумительное и исчез с экрана.

Подумав, Лена достала свой коммуникатор и набрала номер Алекса Верещагина.

– Я думал, вы там гуляете, – улыбнулся он, поздоровавшись. – Москва-то вся раскисла, а за городом, небось, ещё зима?

– Здесь тоже всё залито водой, но это было бы ерундой. Хуже то, что мы влипли в убийство, а Сنيгири отрезаны от дороги.

Алекс присвистнул.

– Да-а, вы попали.

– У меня к тебе просьба, выясни всё, что возможно, о гостях этого дома.

– Диктуй список.

Он записал перечисленные имена, просмотрел их и сказал:

– Тебе как, по мере поступления информации или пакетом?

– По мере поступления, – твёрдо ответила она.

«Ну, хорошо. Значит, начнем с тела. Потом, когда получу от Ковалья поручение, можно будет опросить присутствующих. Кстати, а где у нас Гай?» подумала она и негромко окликнула:

– Гай? Галлитрап Бидли!

Однако пикси так и не появился. Не удалось дозваться и домового. Всё это было странно, но Лена отодвинула эти странности на задний план. Она достала из своей сумки чистый блокнот и магическое перо, заменила варежки тёплыми перчатками, на которые натянула резиновые. «Патологоанатома в ближайшее время можно не ждать, осмотрю сама, – думала она. – Андрей пока позавтракает. Всё нужно заснять в подробностях, а вот и вопрос, сколько у нас с собой кристаллов?»

Записывающих кристаллов оказалось довольно много, полтора десятка, должно было хватить. Лена взяла десять штук, остальные, повинаясь неясной пока логике, спрятала в пакет с тёплыми носками. Потом сбежала по лестнице на кухню. Гости всё ещё сидели за столом, держались за чашки. Домоправительница сердито ворочала что-то на плите, а хозяин стоял у окна и на что-то внимательно смотрел.

– Вадим? – окликнула Лена.

Он медленно повернулся.

У него было опрокинутое лицо человека, обнаружившего в ящике письменного стола живого динозавра. Или выход в другую Вселенную. Елена на всякий случай выглянула в окно: ничего нового там не появилось: лёд, лужи, кусты, ёлки... Тело и охраняющий его Андрей остались с другой стороны дома.

– Вадим, пойдёмте, мне нужна ваша помощь, – твёрдо

произнесла она.

Вяло волоча ноги, хозяин дома пошёл следом. Выйдя в коридор, Лена повернулась и сказала:

– Во-первых, вы обещали какую-нибудь ткань, чтобы накрыть тело.

– Ткань... Да, сейчас Наталья Петровна найдёт...

– Во-вторых, где Корнелий?

– Не знаю.

– Отыщите его и... запирайте в комнате, что ли. А остальных соберите в той гостиной, где вчера сидели, и постарайтесь не выпускать их по одному.

Ответом ей было пожатие плеч. Ясно стало, что полагаться на Вадима нельзя.

«Ладно, потом разберёмся, что его так прибило, – подумала она. – Сейчас надо начинать работать».

К счастью, инспектор Коваль оказался обязательным, и в руки ей свалился магвестник. Елена развернула влажный листок, внимательно прочла его, удовлетворённо кивнула и вернулась на кухню.

– Господа, прошу внимания! – к ней повернулись лица, такие разные и в тоже время одинаковые выражением ожидания и любопытства; что-то царапнуло, и она отложила это что-то на полочку памяти, чтобы обдумать позже. – Представители городской стражи придут чуть позже, а пока, чтобы не терять времени, они делегировали мне полномочия первичного осмотра и бесед со свидетелями, то есть с вами.

– Какие ж мы свидетели, если ничего не видели, – хмыкнул Маркин.

Одновременно с ним его жена выкрикнула:

– Откуда нам знать, может, ты нас обманываешь? Почему это тебе что-то там делегируют?

– Вот официальное поручение, – развернув документ, Лена продемонстрировала его гостям. – Лев Борисович, всё правильно?

Адвокат пожевал губами и кивнул:

– Абсолютно.

– Вот и хорошо. Тогда я прошу вас всех перейти в гостиную и побыть там. Я подойду через несколько минут и мы поговорим.

Показал пример Левинсон. Он подхватил Софью Яковлевну под руку, помог встать и неторопливо направился к лестнице; остальные потянулись следом.

Елена повернулась к домоправительнице:

– Наталья Петровна, найдите мне, пожалуйста, две или три чистых чайных ложки, несколько пузырьков или баночек с крышками и сколько-то водки.

– Водка-то тебе зачем с утра?

– Чтобы протереть импровизированные ёмкости для сбора образцов, – терпеливо ответила Елена.

Напарник ушёл завтракать, пообещал вернуться быстро.

Глубоко вдохнув влажный воздух, Лена взглянула на ча-

сы и мимолётно удивилась: всего половина десятого? А казалось, прошло часа три с того момента, как она выглянула в окно и увидела труп. Потом сжала в руке записывающий кристалл и начала размеренно надиктовывать текст по знаковой схеме, за пятнадцать лет работы ввевшейся в кровь.

«Осмотр начат в девять часов тридцать шесть минут. Проводится при естественном освещении, в пасмурную погоду с небольшим мокрым снегом, температура воздуха плюс два градуса...»

Зафиксировала расположение тела, описала одежду, сделала снимки со всех ракурсов. Взяла образцы тёмного месива вокруг головы: это кровь со снежной кашей, да, но может быть и ещё что-то? Лишь бы стражники побыстрее прибыли вместе с экспертами, сама она анализы не проведёт. Странно, крови мало, слишком мало для повреждения головы. Обычно куда больше бывает...

Наконец, вздохнув, с трудом перевернула тело, порадовавшись про себя, что куртка не смёрзлась насмерть со льдом под ней.

Странное выражение сохранялось на лице Стеллы: будто только что она победила в каком-то трудном споре или выиграла партию в покер, такое плохо скрытое торжество.

– С кем же ты разговаривала перед смертью? – спросила Елена.

Ответа почему-то не было...

Пока отставной старший инспектор Асканова описывала место происшествия, а её напарник методично поглощал оладьи, дом не впал в спячку. В своей комнате Корнелий Васильев писал что-то на большом холсте, по гостинной расхаживал сделавшийся вдруг чрезвычайно деятельным адвокат Левинсон, подробно описывая процессы над убийцами, в которых ему приходилось участвовать. Тихо плакала, сидя в кресле, Лиана.

Где-то между вторым этажом и чердаком, между былью и небылью, сидели на мешке с ароматным сеном двое. Изящная фигурка одного, обладателя длинных ушей и рыжих волос, была облачена в ярко-зелёную шёлковую рубашку, кожаные штаны и расшитые бусинами сапожки. Второй, бородатый и кряжистый, оделся в клетчатую рубаху и потёртые джинсы, нимало не контрастировавшие с валенками.

– Неужели ты не видел, что произошло? – недоверчиво спросил Гай.

Мефодий Варламович помотал бородой.

– Ты пойми, то, что в доме происходит, я чувствую. Ну, вот ты ощущаешь свою руку или ногу?

Пикси покрутил сапожком и кивнул:

– Чувствую, конечно. Но... как бы это сказать? Не осознаю ежеминутно,

– Во-от! – домово́й поднял палец. – Так и я, если мышь где-то пакет с крупой подгрызает, или доска гнить начала, или холодильный амулет на кухне отказал, это всё я сразу узнаю. А пока всё в порядке, так что ж волноваться? Я, как и все, по ночам сплю! Ну вот, а то, что вне дома, вижу не всегда.

– Не всегда, а когда? – тут же прицепился Гай.

– Во-первых, если что-то происходит с хозяином, – при- нялся загибать пальцы домово́й.

– И далеко ты его воспринимаешь?

– Нет, – насупился Мефодий. – Недалеко, метров пятьсот. Он же обряд не провёл, будто и нету меня... Ладно, это моё дело. Во-вторых, я могу увидеть, что происходит вне дома, если там какое-то магическое действие проводится, или иное колдовство сильное. В-третьих, если делается что-то во вред дому. Ну, не знаю, поджигать собираются!

– Поня-атно... – задумчиво проятнул Гай. – А когда эту тётку по голове лупили, это, значит, дому не во вред?

– Как по мне, так только на пользу... – нахохлившийся домово́й стал похож на замёрзшего воробья. – Но хозяин там не был, это точно.

Что-то дожёвывая и одновременно застёгивая куртку, Андрей спустился с крыльца и повернул за угол.

Напарница сидела на корточках возле тела и что-то внимательно разглядывала.

– Лен? – спросил он, подойдя ближе. – Что-нибудь нашла?

– Посмотри на синяк, – ответила она. – Он вовсе не на виске, а на скуле, и можешь мне поверить – не сегодняшний, я по цвету вижу.

– Не поверю, что Корнелий её мог ударить, – помотал головой Андрей. – Что вообще он мог бы ударить женщину, любую.

– Во всяком случае, об этом надо его спросить, – Лена поднялась, отряхивая руки. – Ну, вроде бы я всё зафиксировала, что могла. Вопрос, что теперь с телом делать?

– Ну, наверняка тут есть какой-нибудь сарай. Думаю, Наталья Петровна нам подскажет.

– Иди, спроси у неё, а? На меня она плохо реагирует. А мне её ещё допрашивать.

Фыркнув, он пошёл в дом и через несколько минут вернулся вместе с экономкой.

– На ледник класть не дам! – категорично заявила та, ещё даже не подойдя к телу.

– Да сегодня кругом ледник, – поддержал её под локоток Андрей. – Сарай какой-нибудь, дровяной, к примеру, а? Стража приедет и сразу увезёт, а до тех пор надо убрать. Ну что ж Вадиму Витальевичу каждый раз огорчаться, как на улицу выйдет?

Наталья Петровна мрачно осмотрела тело. «Будто курицу на базаре выбирает!» – подумала Елена, но благоразумно промолчала.

– Огорчаться... – буркнула экономка. – Знамо дело... Вот тебе ключ от сарая, где лопаты и грабли всякие держим, туда и отнесите.

Глава 4

21 марта 2186 года, продолжение.

Дверь гостиной была чуть приоткрыта, и оттуда доносился мужской голос. Лена остановилась и прислушалась.

– Весь мой опыт говорит, что оперативники из провинциальной стражи бывают двух разновидностей, – говорил Левинсон. – Они или очень талантливы, и тогда пребывание здесь даже надоесть нам не успеет, или...

Тут адвокат сделал нарочитую паузу.

– Или? – лениво переспросил женский голос.

«Ага, это Маркова» – отметила Елена.

– Или же окажутся совершенно тупы, вследствие чего мы застрянем среди сугробов на несколько дней.

– Да ну, это вряд ли, – тенор принадлежал Юрию Тороканову. – Лично мне нужно не позднее двадцать седьмого быть в Самаре, так что пусть делают что хотят, а я уеду.

– Ну и запрут тебя, – хмыкнула всё та же Алла Маркова. – Будешь смотреть на небо в клеточку.

«Они разговаривают, как люди, хорошо знакомые. Интересно, давно ли? Или чужое несчастье так сближает?»

– Интересно, как там Корнелий? – вмешался в разговор Владимир Марков. – Может, сходить, посмотреть?

– Тебя просили быть в гостиной до допроса, – напомнила ему жена.

– Опроста, Аллочка, – поправил её адвокат. – Допрашивают задержанных, а мы свидетели.

– Это временно, Лев Борисович! – хохотнул Марков.

– Как вы можете! – врезался в беседу истерический возглас Лианы. – Тётю убили, а вы смеётесь тут!

В гостиной повисло молчание. Елена толкнула дверь, вошла, окинула взглядом комнату. Левинсон стоял у камина с трубкой в руках, его жена сидела, протянув руки к огню. Чета Марковых расположилась в дальнем углу возле книжных полок, и вид у них был такой, будто супруги вот только что обсуждали подготовку заговора, ну, или спорили о подарке сыну на именины. Мальчик лежал на диване, перелистывая толстую и явно не детскую книгу. Заплаканная Лиана сжалась в кресле у окна; кто-то сердобольный накрыл её плечи пледом, но всё равно девушка была бледна до синевы и казалась замёрзшей и усталой. Кузен хозяина дома возле журнального столика разливал по стопкам тёмно-красную наливку, в воздухе пахло вишней.

– Итак, господа, – Лена прошла на середину комнаты и нажала в кармане на записывающий кристалл. – Давайте поговорим.

– Ну, давайте попробуем, – хмыкнул Юрий. – Вишнёвочки хотите?

– Рановато для меня, а вы не стесняйтесь, всё равно день не задался.

– Это уж точно, – пробормотал Левинсон, и потом доба-

вил погромче. – Да вы спрашивайте, что уж тут. Полномочия ваши мы видели, ответим, как на духу.

– Хорошо... Итак, прошу вас рассказать, кто когда в последний раз видел Стеллу и при каких обстоятельствах?

Гости переглянулись, будто успели всё это обсудить и даже выработали некий общий план действий.

Начал Юрий:

– Лично я встретил её вечером, когда пошёл в душ. Стелла поднималась по лестнице, я пожелал ей спокойной ночи, получил ответ... и, собственно, всё.

– И что она сказала?

– Да я даже не запомнил! Вроде тоже спокойной ночи пожелала, а может, послала к Тёмному. Вид у неё был недовольный. Это точно.

– Недовольный или расстроенный?

Тороканов только развёл руками.

– Я не физиономист, не возьмусь судить.

– И в какое примерно время это было?

– До полуночи точно! У меня в комнате хорошо слышно их бой, – он показал в сторону старинных напольных часов, которые, словно в ответ, громко и важно ударили один раз. – Вот, сами слышите, сейчас половина одиннадцатого. А полночь било, когда я уже в постели лежал.

– Хорошо, – кивнула Лена. – Спасибо.

– Мы вернулись раньше вас, – сообщил Левинсон. – И сразу ушли в свою комнату, больше не выходили.

– Что, и зубы не чистили? – хохотнул Марков.

– Зубы – чистили, но госпожа Гогнадзе при сём не присутствовала, и в коридоре мы её не встретили, – с достоинством парировал адвокат.

– Лев Борисович, может быть, ночью от чего-то просыпались? Меня, например, что-то разбудило, а вот что – не знаю, – Лена попыталась чуть подтолкнуть его.

– Нет, госпожа Асканова, я сплю спокойно всю ночь, и вам советую...

И он, положив руку на плечо жены, слегка сжал пальцы. Софья Яковлевна, открывшая было рот, тут же его захлопнула и отвернулась. «Надо будет как-то отловить её одну и порасспрашивать», – постановила для себя Лена, поворачиваясь к Марковым.

– Владимир, а вы?

Супруги переглянулись, и он неспешно ответил:

– После того, как все возвратились с прогулки, мы Стеллу не видели.

– Мы очень устали и сразу легли спать, – добавила Алла.

– Погоди-ка, Володя, разве я с тобой не столкнулся на кухне? – удивлённо спросил Юрий. – Я за водой спускался, а ты что-то искал в аптечке.

– Ну, да, я и забыл... – неохотно кивнул Марков. – У Алочки голова разболелась, а аспирина мы с собой не взяли.

– Вы же маг-медик, Владимир! – вскинул брови Левинсон. – Неужели даже головную боль снять не можете? И аму-

лет с собой не носите?

Стиснув зубы, Марков отвернулся.

Оставалась Лиана, племянница убитой. Девушка сидела, сплетя пальцы, и ни на что не реагировала, и Елена решила поговорить с ней наедине. Разумеется, потом нужно будет опросить и всех остальных по отдельности, но... вдруг случится такое счастье, и местная стража сумеет-таки перебраться через овраг? Вот они пусть и опрашивают.

Ладно.

– Господа, спасибо, – вежливо произнесла Лена. – Пока все свободны...

– Что, и уехать можно? – жизнерадостным идиотом подпрыгнул Тороканов.

– Уехать нельзя. Да и гулять я бы вам не советовала, там очень гадко. Где не лед, там лужи, а под ними снова лёд. Поэтому советую разойтись по своим комнатам и отдохнуть до обеда. Если кто-то вспомнит что-то важное, я буду или здесь, или внизу на кухне.

Недлинной цепочкой гости потянулись к двери. Кто-то неопознанный буркнул:

– Дёрнул меня Тёмный сюда вообще отправиться...

Наконец вышел последний, Елена выждала пару секунд и подошла к девушке, всё также сидевшей молча.

– Лиана, – сказала она негромко. – Поговорите со мной, пожалуйста. Лиана!

– Да...

– Расскажите, как вы провели вчерашний вечер?

– Гуляла вместе со всеми, – пожала та плечами. – Вернулась, я умылась, почитала и легла спать.

– Ваша комната рядом с тёткиной?

– Да.

– И ничего оттуда не слышали? Может, ссора какая-то была?

Девушка вздохнула:

– Не было никакой ссоры. Понимаете... – она чуть оживилась, даже повернулась к Елене. – Корнелий очень её любил, всегда делал всё, что она просила. Вообще всё, даже совсем глупости! Ну, или соглашался, а потом поступал по-своему. Она всё равно не помнила, что хотела полчаса назад...

«Похоже, что большой любви между тёткой и племянницей не было, – подумала Лена. – Даже по имени Стеллу не называет. Надо чуть нажать в этом месте...»

– Лиана, а вы давно с ними вместе живёте?

– Полтора года. Я приехала поступать в университет, и поступила, на романо-германскую филологию и рунную магию. Ну, и они решили, что нечего снимать квартиру, комната свободная есть. Я согласилась.

– Расскажите мне о Стелле, пожалуйста.

– Что рассказать? – почему-то Лиана оставалась заторможенной, будто не могла отойти от снотворного.

«Может, она сидит на каких-то препаратах? Зрачки вроде нормальные. Надо будет намекнуть стражникам, чтобы про-

верили. И Алекса попросить узнать, какая в этом смысле ситуация в университете».

– Ну, какая она была, Стелла, – терпеливо повторила Лена. – Я ведь её совсем не знала, даже не в курсе, чем она занималась – работала, преподавала, дома сидела?

– Не-ет, дома она не сидела, – покачала головой девушка. – Работала... что-то связанное с театром. Мы никогда об этом не говорили. Собственно, – тут она хихикнула, – мы вообще почти не разговаривали. Знаете, даже странно. Вроде жили в одной квартире, а виделись только по выходным. И то не каждый раз. У неё всё время какие-то встречи были, дела, переговоры, иной раз дома-то появлялась далеко за полночь. Моя комната первая от входной двери, так что я слышала, когда кто приходил.

– Каких-то знакомых Стеллы вы знаете?

– Знакомых... Нет... Между прочим, никакая она не Стелла! Не Стелла! – с нажимом повторила Лиана и разрыдалась. – Мама очень на неё сердилась, потому что имя её сестры – Сакварела, любимая! А тётка решила, что для Москвы это имя не подходит...

Сев рядом, Елена обняла девушку, поглаживала её по голове и тихонько шептала что-то успокаивающее. Впрочем, плакала Лиана недолго. Высвободившись, она высморкалась, утёрла слёзы и решительно повернулась к собеседнице:

– Значит, так. Я сейчас расскажу, что знаю, надо будет –

спросите ещё. Тётка крутила какие-то свои дела, и никому о них не рассказывала. Вроде бы и деньги иной раз с этих дел получала неплохие, но ни Корнелий, ни тем более я этих денег не видели. Пару раз она попадала в неприятности, откупался от них Корнелий. Он её и в самом деле очень любил, правда, поверьте! И никогда бы ей ничего плохого не сделал. Сюда ехать он не хотел, у него выставка скоро, и надо было готовиться, это тётка нас потащила. Ей нужно было с кем-то из гостей встретиться и переговорить, вроде как случайно.

– С кем?

– Не знаю, – Лиана помотала головой. – Но о встрече она сказала Корнелию, а я недалеко была и услышала.

* * *

Тщательно заперев сарай с лопатами, где разместили накрытый мешковиной труп, Беланович добавил к хорошему амбарному замку ещё и запирающее заклинание. Просто так, на всякий случай. Пусть будет. Потом вымыл руки, поднялся на второй этаж и постучал в спальню, которая была отведена Корнелию Васильеву и его покойной подруге. Пока Лена разговаривала с остальными гостями, он должен был попытаться вытянуть информацию из художника.

Неразборчивый отклик из комнаты Андрей решил считать приглашением, толкнул дверь и вошёл.

Васильев стоял возле окна и, казалось, вглядывался в пейзаж.

аж. На визитёра он внимания не обратил. Беланович подошёл ближе, протянул руку, чтобы тронуть хозяина комнаты за плечо и остановился. Нет, вовсе не законная картинка занимала художника, глаза его были плотно зажмурены, а по щекам катились слёзы.

– Корнелий, – негромко окликнул Андрей.

Тот вздрогнул, открыл глаза и непонимающе посмотрел на гостя.

– А, это ты... – Корнелий шмыгнул носом, вытянул из кармана платок, вытер лицо и попытался улыбнуться. Получилось плохо. – Проходи... впрочем, ты уже прошёл. Ну, тогда присаживайся. Я могу чем-то помочь?

– Можешь.

– Чем?

– Так вышло, что городская стража сюда доберётся только к концу дня. Они попросили нас с Леной пока... заняться телом и поговорить с присутствующими, расспросить о Стелле. А кто ж её знал лучше, чем ты?

– Тело, да... – он глубоко вздохнул и кивнул. – Наверное, надо перенести куда-то.

– Мы это уже сделали. Ты мне расскажи о ней, пожалуйста, какая она была – Стелла Гогнадзе?

– Вообще-то не Стелла Гогнадзе, – улыбка у художника вышла уже лучше. – Сакварела Гогнадзе по паспорту, или Стелла Горская – по псевдониму. Она смешная такая была, ей не нравилось имя «Сакварела», казалось... деревенским.

– А по-моему, красиво... – осторожно поддакнул Андрей.

– И мне так казалось. Но ей хотелось чего-то необыкновенного, вот и стала называться псевдонимом всегда, а не только на сцене.

– На сцене? – Андрей удивился. – Она была актрисой?

– Ну, не совсем. Она считала себя больше чем актрисой, Стелла ставила иммерсивные спектакли и сама в них участвовала.

Тут Беланович с трудом подавил вздох: словом «иммерсивный» модно было называть всё что угодно, от ресторана до циркового шоу.

– И как, успешно?

– О да! – с гордостью кивнул Корнелий. – Знаешь, что написал о её спектакле обозреватель одного журнала? «Прекрасный вечер в аду, нужно только привыкнуть», вот как!

– То есть, её спектакли всем нравились?

– Ну, не всем... Это были такие... провокации, понимаешь? И уходил кто-то, и гадости писали. Пару раз даже в суд подавали за... как это... «унижение достоинства разумного», вот.

– В суд, – задумчиво повторил Андрей. – Случаем, не Левинсон дело вёл?

– Ну что ты, куда нам до таких высот! – Корнелий хохотнул. – Чтобы нанять милейшего Льва Борисовича, надо быть очень богатым. Или расплачиваться иным способом.

– Каким?

– А, неважно, – художник снова стал вялым, махнул рукой. – Всё уже неважно, мы проиграли.

– Ладно, расскажи о ней самой, – попытался растормошить его Беланович. – Как вы жили, какая она была? Зачем в этот раз привезла с собой Лиану?

– Жили... хорошо мы жили. Я зарабатываю, вот выставка откроется – с десятков картин точно уйдёт, а я за дёшево не продаю. Понимаешь, старомодная классическая живопись из моды не выйдет никогда. Что бы там ни говорили искусствоведы, пока московский обыватель желает повесить в гостиной пейзаж, а в столовой натюрморт, хватит денежек на кусок хлеба с маслом и мне, и другим, таким как я. А то, что для себя пишу... Ну, это я почти и неставляю. Да вот, погляди!

С этими словами Корнелий стянул белую ткань с мольберта, и глазам Андрея предстал лист белой бумаги, покрытый изломанными чёрными линиями, словно ветками мёртвых деревьев на снегу, с единственной красной кляксой в верхней трети.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.